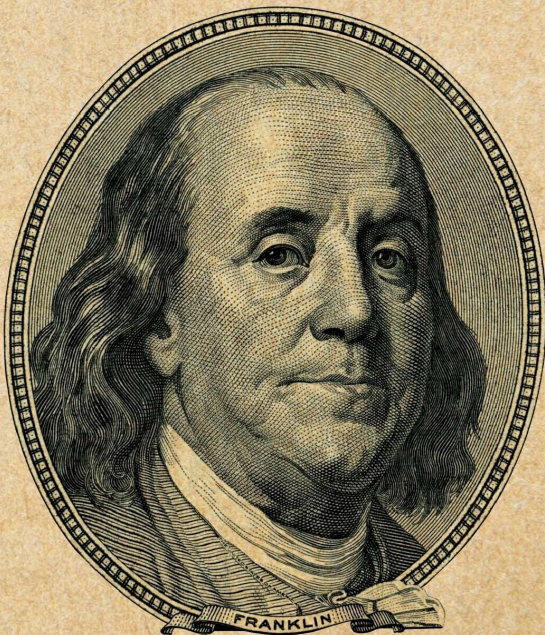

Librarium

**БЕНДЖАМИН
ФРАНКЛИН**
АВТОБИОГРАФИЯ

РИПОЛ КЛАССИК

Бенджамин Франклин

Автобиография

Серия «Librarium»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68007057
Автобиография: РИПОЛ классик; М.; 2021
ISBN 978-5-386-13872-1*

Аннотация

Бенджамин Франклин – человек невероятного значения в истории Америки. Он был политиком, дипломатом, писателем, изобретателем и единственным отцом-основателем, кто поставил свою подпись под тремя важнейшими документами эпохи: Декларацией независимости США, Конституцией США и Версальским мирным договором 1793 года, завершившим Войну за независимость. Его лицо украшает столлларовую купюру, и он является автором крылатого выражения «Время – деньги», и он знал, о чем говорит.

В своей автобиографии Франклин рассказывает об этапах формирования и становления: о детстве, о начале работы издателем, о войне и невероятном трудолюбии и проницательности, которые позволили ему стать одной из главных фигур эпохи.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава I. Дорогой сын!

5

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Бенджамин Франклин

Автобиография

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Глава I. Дорогой сын!

Я всегда любил собирать сведения о своих предках. Ты, вероятно, помнишь, как я расспрашивал всех своих находившихся в живых родственников, когда ты был вместе со мной в Англии, и как я ради этого предпринял целое путешествие. Предполагая, что и тебе тоже будет небезынтересно узнать обстоятельства моей жизни, многие из которых тебе неизвестны, и предвкушая наслаждение, которое я получу от нескольких недель ничем не нарушаемого досуга, я сажусь за стол и принимаюсь за писание. Имеются, кроме того, и некоторые другие причины, побуждающие меня взяться за перо. Хотя по своему происхождению я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью. Удача мне неизменно сопутствовала даже в позднейший период моей жизни, а поэтому не исключена возможность, что мои потомки захотят узнать, какими способами я этого достиг и почему с помощью провидения все для меня так счастливо сложилось. Кто знает, вдруг они, находясь в подобных же обстоятельствах, станут подражать моим действиям.

Когда я раздумываю над своей удачей, – а я это делаю частенько, – то мне иногда хочется сказать, что, будь у меня свобода выбора, я бы не возражал снова прожить ту же жизнь

с начала и до конца; мне только хотелось бы воспользоваться преимуществом, которым обладают писатели: выпуская второе издание, они исправляют в нем ошибки, допущенные в первом. Вот и мне тоже хочется заменить некоторые эпизоды, поставив лучшее на место худшего. И все же и при невозможности осуществить это я все равно согласился бы снова начать ту же жизнь. Но поскольку рассчитывать на подобное повторение не приходится, то, очевидно, лучший способ вернуть прошлое – это припомнить все пережитое; а для того, чтобы воспоминания дольше сохранились, их лучше изложить на бумаге.

Проводя свое время подобным образом, я уступаю присущей старикам склонности поговорить о себе и о своих делах; но я буду наслаждаться этим, не докучая тем, кто из уважения к моему возрасту мог бы считать себя обязанными меня слушать, в их воле будет, читать меня или не читать. И, наконец (я могу в этом признаться, так как даже если бы я и стал отрицать, то мне никто не поверил бы), что я в немалой степени удовлетворю свое тщеславие. В самом деле, мне ни разу не случалось слышать или видеть вступительную фразу «Безо всякого тщеславия я могу сказать» и т. п. без того, чтобы за этим сейчас же не следовало какое-либо тщеславное заявление. Большинство людей не терпит тщеславия в своих ближних, независимо от того, какой долей его они сами обладают; но я отдаю ему должное всякий раз, когда с ним сталкиваюсь, будучи убежден, что тщеславие часто приносит

пользу тому, кто им обладает, равно как и другим, находящимся в сфере его действия; в силу чего во многих случаях было бы не совсем бессмысленно, если бы человек благодарил Бога за свое тщеславие, равно как и за прочие щедроты.

Сказав о Боге, я хочу со всем смирением признать, что то благополучие моей прошлой жизни, о котором я говорил, я отношу за счет его божественного провидения, умудрившего меня использовать те средства, к которым я прибегал, и принесшему мне удачу. Вера в это вселяет в меня надежду, однако я не должен уповать, что милость эта и в дальнейшем будет проявляться в отношении меня, сохраняя мое счастье, или что мне будут даны силы перенести роковую перемену судьбы, которая может постичь меня, как постигала и других; что мне сулит будущее, известно только тому, кто может благословлять нас даже в наших бедствиях.

Из некоторых заметок, переданных мне как-то одним из моих дядей, тоже питавшим слабость к собиранию семейных историй, мне стали известны кое-какие подробности о наших предках. Я узнал, что они жили в той же деревне Эктон в Норт-Гемптоншире, владея участком примерно в 30 акров по крайней мере триста лет, в точности же установить, насколько дольше они там жили, не представляется возможным.

Этого небольшого участка было бы недостаточно, чтобы их прокормить, если бы они не занимались кузнечным ремеслом, передававшимся в семье по наследству. Обычай

этот сохранился еще и во времена моего дяди. Старшего сына неизменно обучали кузнечному делу, и как мой дядя, так и мой отец последовали этому в отношении своих сыновей. Простудировав церковные книги в Эктоне, я проследил браки и смерти в нашем роду только до 1555 года, так как до этого времени книги не велись. Из этих книг мне, однако, удалось узнать, что я являюсь младшим сыном младшего сына, который в свою очередь также был младшим сыном младшего сына, и так на протяжении пяти поколений. Мой прадед Томас, родившийся в 1598 году, жил в Эктоне до тех пор, пока мог заниматься своим ремеслом. Когда же старость вынудила его уйти на покой, он переехал в Бэнбери в Оксфордшире, где поселился в доме своего сына Джона, у которого проходил ученичество мой отец. Там же он и скончался, там его и похоронили. Мы видели его надгробие в 1758 году. Старший его сын Томас жил в доме в Эктоне и оставил его вместе с землей своей единственной дочери, муж которой, некто Фишер, продал дом и участок господину Истеду, нынешнему владельцу поместья. У моего деда было четверо сыновей, достигших зрелого возраста, а именно: Том, Джон, Бенджамин и Джозайа. В настоящее время мой архив находится далеко от меня, и я перескажу тебе находящиеся в нем бумаги по памяти; а если за время моего отсутствия они не потеряются, то ты найдешь там еще целый ряд дополнительных сведений.

Томас, мой старший дядя, готовился к тому, чтобы пойти

по стопам своего отца и стать кузнецом, но так как он обладал недюжинными способностями, то его, как и всех его братьев, поощрял к учению эсквайр Палмер, самый влиятельный обитатель прихода. Томас сделался адвокатом и занял видное положение в графстве; он принимал самое деятельное участие во всех общественных начинаниях как графства, так и города Нортгемптона, не говоря уж о его родной деревне, где многие были ему сродни; его очень отличал лорд Галифакс, оказывавший ему покровительство. Он скончался в 1702 году, 6 января, ровно за четыре года до моего рождения. Мне вспоминается, что когда несколько стариков, которые его хорошо знали, описывали его характер, то тебя очень поразил их рассказ, так как тебе многое напомнило меня. «Умри он, – сказал ты, – четырьмя годами позже в тот же день, то можно было бы предположить переселение душ».

Джон, мой следующий дядя, обучался ремеслу красильщика, если мне не изменяет память, красильщика-шерсти. Бенджамин должен был стать красильщиком шелка и обучался этому ремеслу в Лондоне. Он был недюжинным человеком. Я помню, когда я был мальчиком, он приехал к моему отцу в Бостон и прожил в нашем доме несколько лет. Они с отцом всегда были очень дружны, и я был его крестником. Он дожил до глубокой старости. После него осталось два больших тома рукописей стихов его собственного сочинения. Это были стихи на случай, обращенные к его друзьям. Он изобрел собственную систему стенографии и обучил ме-

ня этой системе, но так как я в ней не практиковался, то я ее позабыл. Он был весьма благочестив и старательно посещал проповеди лучших проповедников. Эти проповеди он записывал по своему методу, и их у него набралось несколько томов.

Он также питал большую тягу к политике, даже, пожалуй, слишком большую для своего общественного положения. В мои руки недавно попало в Лондоне собрание всех важнейших политических брошюр по различным вопросам, которое он составил в период 1641–1717 гг. Многих томов, как явствует из нумерации, недостает, но все же сохранилось восемь томов ин фолио и двадцать ин кварто и ин октаво. Они попали в руки одного торговца старыми книгами, который их приобрел, зная мое имя, и принес мне. По-видимому, мой дядя оставил их здесь, когда лет пятьдесят назад отправился в Америку. Я обнаружил на полях ряд его пометок. Внук его, Сэмюэль Франклин, все еще живет в Бостоне.

Наше незнатное семейство рано примкнуло к Реформации. Наши предки оставались протестантами во время правления королевы Марии, когда они иногда подвергались опасности из-за своих выступлений против папистов. У них была английская библия и, для того чтобы надежно спрятать ее в безопасном месте, ее прикрепили тесьмой под обивкой складного стула. Когда мой прапрадед хотел почитать ее своей семье, он перевертывал складной стул у себя на коленях, а затем листал страницы под тесьмой. Кто-нибудь из

детей всегда стоял у дверей, чтобы подать знак при приближении судебного пристава, являвшегося чиновником духовного суда. Тогда стул перевертывали и ставили на ножки, и библия, как и прежде, оставалась в своем укрытии. Об этом мне рассказывал мой дядя Бенджамин. Вся семья продолжала пребывать в лоне англиканской церкви примерно до конца правления Карла II, когда некоторые священнослужители были изгнаны за неподчинение уставам англиканской церкви и за то, что они устраивали тайные религиозные собрания в Нортгемптоне. Мой дядя Бенджамин и мой отец Джозайа примкнули к ним и сохраняли им верность до конца жизни. Остальные члены семьи остались в лоне епископальной церкви.

Мой отец женился в ранней молодости и перевез свою жену и трех детей в Новую Англию около 1685 года. К этому времени тайные религиозные собрания были запрещены законом, и их часто разгоняли, поэтому некоторые из его влиятельных знакомых решили перебраться в эту страну; и его убедили отправиться с ними туда, где, как они ожидали, они смогут беспрепятственно исповедовать свою религию. От этой же жены у моего отца там родилось еще четверо детей, а от второй жены – еще десять, а всего семнадцать, из которых мне часто доводилось видеть тринадцать одновременно сидящих за столом, и все они достигли совершеннолетия и вступили в брак. Я был младшим сыном и самым младшим из всех детей, кроме двух дочерей. Я родился в

Бостоне, в Новой Англии. Моя мать, вторая жена, была Абия Фолгер, дочь Питера Фолгера, одного из первых поселенцев Новой Англии, о котором Коттон Мезер с уважением упоминает в своей церковной истории этой страны, озаглавленной «*Magnalia Christi Americana*», как о «праведном и ученом англичанине», если память мне не изменяет. Я слышал, что он написал несколько небольших стихотворений на случай, но лишь одно из них было напечатано, и я прочел его много лет спустя. Это стихотворение было написано в 1675 году знакомым размером в духе той эпохи и обращено к тем, кто тогда находился там у власти. Оно утверждает свободу совести, и автор здесь выступает от имени анабаптистов, квакеров и прочих гонимых сектантов. Он считает следствием этих гонений войны с индейцами и другие постигшие страну бедствия, видя во всем этом неоднократное проявление божьего суда в наказание за столь гнусное преступление и призывает к отмене этих законов, столь противных милосердию. На меня это стихотворение произвело впечатление произведения, написанного с мужественной откровенностью и душевной простотой. Последние шесть строк я помню, хотя я и забыл первые; смысл их заключался в том, что его упреки были продиктованы желанием добра, и поэтому он хотел бы, чтобы его авторство стало известно.

Ибо быть клеветником (говорит он) мне ненавистно до глубины души, из города Шерберна, где я сейчас живу, я ставлю здесь свое имя, не желающий вас оскорбить, ваш ис-

тинный друг, Питер Фолгер.

Все моя старшие братья обучались какому-либо ремеслу. Меня в возрасте восьми лет отдали в грамматическую школу, так как мой отец намеревался посвятить меня, как десятого из своих сыновей, служению церкви. Рано проявившаяся у меня охота к чтению (должно быть, в весьма раннем возрасте, так как я не помню времени, когда бы я не умел читать) и мнение всех его друзей, утверждавших, что я обязательно буду хорошим учеником, поддерживали его в этом намерении.

Одобрял это и мой дядя Бенджамин, который предложил отдать мне свои тома застенографированных проповедей для обзаведения, если я овладею его стенографией. Однако мне довелось посещать грамматическую школу менее года, хотя за это время я постепенно передвинулся из середины класса на первое место и меня перевели в следующий класс, откуда должны были к концу года перевести в третий.

Но для моего отца, обремененного многочисленным семейством, было бы затруднительно оказывать мне материальную поддержку, необходимую для получения высшего образования, а, кроме того, как он сказал одному из своих друзей в моем присутствии, эта профессия давала мало преимуществ. Он отказался от своего первоначального плана, взял меня из грамматической школы и поместил в школу, где обучали письму и арифметике. Эту школу содержал знаменитый тогда господин Джордж Браунелл. Браунелл был пре-

восходным педагогом, достигавшим больших успехов с помощью самых мягких и стимулирующих методов. Под его руководством я быстро научился хорошо писать, но арифметика мне не давалась и я в ней недалеко ушел. Когда мне исполнилось десять лет, отец забрал меня домой, чтобы я помогал ему в мастерской – отец занимался тогда изготовлением сальных свечей и варкой мыла. Это не было его первоначальным занятием, но он принялся за это дело по прибытии в Новую Англию, когда обнаружил, что его ремесло красильщика не было здесь особенно нужным и не давало ему возможности прокормить семью. И вот я стал нарезать фитили, заливал формы для отливки свечей, помогал в лавке, был на посылках и т. п.

Мне это ремесло было не по душе, и меня очень тянуло к морю, отец же мой решительно высказался против такого плана; но, живя у воды, я много времени проводил в ней и на ней. Я научился хорошо плавать и управлять лодкой; а когда я бывал с другими мальчишками, мне обычно доверяли быть рулевым, в особенности при каком-нибудь затруднении; да и в других случаях я обычно верховодил среди мальчишек, а иногда и возглавлял некоторые проделки, из которых расскажу об одной в качестве примера того, как рано во мне обнаружился дух общественных начинаний, хотя он тогда и не нашел правильного применения.

Около мельничного пруда был солончак, на краю которого мы во время паводка удили пескарей. Мы там столько топ-

тались, что это место превратилось в настоящее болото. Я предложил соорудить там нечто вроде пристани, на которой мы могли бы стоять. При этом я показал своим товарищам на большую грудку камней, предназначавшихся на строительство нового дома около солончака; эти камни прекрасно подходили для нашей цели. И вот вечером, когда рабочие ушли, я собрал несколько своих приятелей, и мы старательно взялись за работу, перетаскивая камни, как муравьи, иногда берясь вдвоем или втроем за каждый камень, пока не соорудили нашу маленькую пристань. На следующее утро рабочие с удивлением обнаружили пропажу камней, которые пошли на постройку нашей пристани. Учинили дознание; пас разыскали и пожаловались родителям; некоторые из нас получили от своих отцов соответствующее внушение, и хотя я доказывал полезность нашей работы, мой отец убедил меня, что ничто нечестное не может быть действительно благотворительным.

Мне думается, тебе хотелось бы иметь представление о том, что за человек был мой отец. У него было превосходное здоровье, роста он был среднего, но хорошо сложен и обладал большой физической силой. Он имел ясный ум, хорошо рисовал, немного обучался музыке; у него был звучный приятный голос, и когда он наигрывал на своей скрипке, напевая при этом, как он иногда делал по вечерам после работы, то слушать его было приятно. Он был и немножко механиком и при случае мог показать, что мастерски владеет также инструментами ремесленников других профессий. Но главным

его достоинством было умение глубоко разбираться в сущности всякого сложного вопроса и здраво судить о нем, независимо от того, касалось ли это общественных или личных дел. Верно, что ему никогда не доводилось вести общественные дела, так как заботы о воспитании многочисленного семейства и стесненные обстоятельства не позволяли ему отвлекаться от своего промысла; но я помню, что видные люди часто приходили узнать его мнение о различных городских или церковных делах и с уважением относились к его суждениям и советам.

К нему также часто обращались и отдельные лица по поводу своих затруднений, и его часто избирали третейским судьей между спорящими сторонами. Он любил, чтобы у него за столом во время обеда был кто-либо из друзей или соседей, умеющих вести умный разговор; отец при этом всегда старался избрать какую-нибудь интересную или полезную тему, чтобы развивать ум своих детей. Таким путем он обращал наше внимание на добрые дела и на справедливые и благоразумные поступки; и мало или никакого внимания не уделялось тому, что касалось находившихся на столе кушаний, — хорошо или дурно они были приготовлены, соответствовали ли они времени года, каковы были на вкус, лучше или хуже других подобных блюд; и я с детства приучился настолько не обращать внимания на такие вещи, что мне совершенно безразлично, какую еду мне подают, и вплоть до сегодняшнего дня я с трудом могу сказать через несколь-

ко часов после обеда, из каких блюд он состоял. Это давало мне большое преимущество во время путешествий, когда мои спутники иногда чувствовали себя несчастными из-за невозможности должным образом удовлетворить свои более деликатные и более развитые вкусы и аппетиты.

Моя мать тоже обладала превосходным здоровьем. Она сама выкормила грудью своих десятирех детей. Я не помню, чтобы мой отец или моя мать чем-нибудь болели до своей смерти; он скончался в возрасте восьмидесяти девяти лет, а она – в возрасте восьмидесяти пяти. Они похоронены вместе в Бостоне, где я несколько лет назад поставил на их могиле мраморное надгробие с надписью:

Джозайа Франклин и Абия, жена его, погребены здесь. Они счастливо прожили в супружестве пятьдесят пять лет. Не имея ни поместья, ни выгодной должности, посредством труда и прилежания, (с благословения божьего) – они содержали большую семью в достатке; и вырастили тринадцать детей и семь внуков достойным образом. Пусть этот пример, читатель, поощрит тебя к прилежанию в твоём деле, и надейся на провидение. Он был благочестивым и благоразумным человеком, а она скромной и добродетельной женщиной. Их младший сын из сыновнего почтения к их памяти поставил этот камень. Дж. Ф. родился в 1655 г. – скончался в 1744 г. – в возрасте 89 лет, – А. Ф. родилась в 1667 г. – скончалась в 1752 г. – 85 лет.

Но я все время отклоняюсь от своего повествования, из

чего заключаю, что становлюсь стар. Раньше я писал более упорядоченно. Но в домашнем кругу не наряжаются, как на бал. Может быть, это просто небрежность.

Итак, вернемся к нашей теме: я помогал своему отцу в течение двух лет, то есть до двенадцатилетнего возраста; а поскольку мой брат Джон, с детства обучавшийся этому ремеслу, отделился от отца, женился и открыл собственное дело в Род-Айленде, то по всем приметам мне было суждено занять его место и стать свечным мастером. Однако я продолжал выказывать такое нерасположение к этому ремеслу, что мой отец почувствовал, что если он не подыщет для меня более привлекательного занятия, то я выйду из повиновения и стану моряком, как сделал брат мой Джозайа, к величайшему неудовольствию отца. Поэтому отец стал брать меня с собой на прогулки и показывал мне плотников, каменщиков, токарей, медников и других мастеров за их занятиями, чтобы иметь возможность обнаружить мои склонности и определить меня к такому ремеслу, которое удержало бы меня на суше. Мне всегда с тех пор доставляло удовольствие видеть, как управляют со своими инструментами хорошие мастера; мне пошло на пользу и то, что я приобрел некоторый навык и мог сам сделать кое-что в доме, если нельзя было найти мастера; кроме того, я умею своими руками изготавливать небольшие машины для моих опытов. В конце концов отец решил сделать из меня ножовщика и поместил меня на несколько дней, в качестве испытательного

срока, к Сэмюэлю, сыну моего дяди Бенджамина, обучавшемуся этому ремеслу в Лондоне и только что устроившемуся в Бостоне. Но тот заломил такую сумму за мое обучение, что отец рассердился и взял меня снова домой.

С малых лет я страстно любил читать и все те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, откладывал на покупку книг. Я очень любил путешествия. Первым моим приобретением были сочинения Бениана в отдельных томиках. Позднее я их продал, чтобы иметь возможность купить собрания исторических произведений Р. Бертона; это были небольшие книжечки, по дешевке приобретенные у бродячего торговца, числом сорок. Небольшая библиотека моего отца состояла из религиозно-полемических сочинений, большинство из которых я прочел. С тех пор я не раз сожалел о том, что в то время, когда у меня была такая тяга к знанию, в мои руки не попали более подходящие книги, так как уже было решено, что я не буду священником. Среди этих книг были и «Жизнеописания» Плутарха, которыми я зачитывался; и сейчас еще я считаю, что это очень пошло мне на пользу. Была также книга Дефо, озаглавленная «Опыт о проектах», и сочинение доктора Мезера «Опыты о том, как делать добро». Эти книги, возможно, оказали влияние на мой духовный склад, что отразилось на некоторых важнейших событиях моей жизни.

Эти мои книжные склонности в конце концов привели к тому, что отец решил сделать из меня печатника, хотя один

из его сыновей (Джеме) уже занимался этим ремеслом. В 1717 году мой брат Джеме вернулся из Англии и привез с собой печатный станок и шрифты, чтобы открыть типографию в Бостоне. Хотя это ремесло было мне куда больше по душе, чем то, которым занимался мой отец, но море по-прежнему продолжало меня манить. Моему отцу не терпелось связать меня с братом договорными обязательствами, так как он опасался возможных последствий этого моего влечения. Некоторое время я сопротивлялся, но, наконец, не выдержал и подписал контракт о поступлении в ученичество, хотя мне и было тогда всего двенадцать лет. По контракту я обязывался служить подмастерьем, пока мне не исполнится двадцать один год, причем только в последний год я должен был получать жалованье настоящего работника. За очень короткий срок я достиг значительных успехов в этом деле и оказывал своему брату большую помощь. Теперь у меня был доступ к более хорошим книгам. Я свел знакомство с учениками книготорговцев, что давало мне возможность одалживать то одну, то другую книжку, и я всегда старался возвращать их аккуратно и не пачкать. Частенько я просиживал за чтением в своей комнате чуть не всю ночь напролет, если книга была одолжена вечером, а вернуть ее надо было рано утром, чтобы ее не хватились.

Спустя некоторое время один купец, умный и здравомыслящий человек по имени Мэтью Адамс, имевший прекрасное книжное собрание и часто посещавший нашу типогра-

фию, обратил на меня внимание, пригласил меня посмотреть его библиотеку и очень любезно предложил давать мне читать любые книги по моему выбору. Теперь я пристрастился к поэзии и сам сочинил несколько стихотворений. Мой брат решил, что на этом можно заработать, и стал поощрять меня к сочинительству. По его побуждению я написал две баллады на случай. Одна называлась «Трагедия у маяка», и в ней рассказывалось о кораблекрушении, жертвой которого сделались капитан Уортилейк и его две дочери, другая была озаглавлена «Песня матроса по случаю захвата знаменитого „Тича“, или пират Черная борода». Это была жалкая стряпня в духе уличных баллад; и когда они были напечатаны, он отправил меня продавать их по городу. Первую из них брали нарасхват, так как описанное в ней событие произошло недавно и наделало большой шум. Этот успех приятно щекотал мое самолюбие, но отец обескуражил меня, высмеяв мои вирши и объяснив, что стихотворцы всегда бывают нищими. Так я избежал опасности сделаться поэтом, да к тому же, вероятно, плохим. Но так как сочинения в прозе приносили мне большую пользу на протяжении всей моей жизни и оказались одним из главных средств моего успеха, то я расскажу тебе, каким образом я приобрел то небольшое мастерство, которым, как считают, я обладаю.

В городе был еще один книголюб по имени Джон Коллинс, молодой человек, с которым я вел близкое знакомство. Иногда мы вступали в споры и очень любили словопрения и все-

гда старались опровергнуть друг друга, а такая склонность к препирательствам, кстати говоря, может превратиться в дурную привычку и часто делает человека невыносимым в обществе, так как он начинает всем противоречить; это же в свою очередь не только отравляет беседу, но и вызывает отвращение и враждебность со стороны тех, с кем вы могли бы иметь дружественные отношения. Я приобрел эту привычку, начитавшись отцовских книг религиозно-полемического содержания. Люди здравомыслящие, как мне с тех пор довелось убедиться, редко себя так ведут, кроме юристов, университетчиков, а также всех, получивших образование в Эдинбурге.

Как-то, не помню уже почему, между мной и Коллинсом разгорелся диспут о том, стоит ли давать женщинам образование и обладают ли они необходимыми способностями. Он стоял на той точке зрения, что им это не нужно и что они от природы для этого не приспособлены. Я занял противоположную позицию, возможно, отчасти и из желания поспорить. Он был от природы более красноречив, обладал большим запасом слов, и иногда, как мне казалось, я бывал побежден не столько силой его аргументации, сколько словесным искусством. Поскольку мы расстались, не придя к определенному выводу, и должны были увидаться только нескоро, я решил письменно изложить свои доводы; я переписал их набело и отослал ему. Он мне ответил, а я послал новый ответ. Мы обменялись уже тремя-четырьмя письмами с каж-

дой стороны, когда они случайно вместе с другими бумагами попали в руки моему отцу, который их прочел. Не высказываясь по существу затронутого вопроса, он воспользовался этим случаем, чтобы поговорить со мной о моем литературном слоге, причем заметил, что хотя я был сильнее своего противника в правописании и пунктуации (чему я, по его мнению, был обязан работе в типографии), мне недоставало изящества выражений, последовательности и ясности, – все это он доказал мне на ряде примеров. Я увидел справедливость его замечаний и с тех пор стал более внимательно следить за своим слогом и решил во что бы то ни стало улучшить свой стиль.

Примерно в это время мне попался в руки разрозненный том «Зрителя». Это был том третий. До сих пор я еще не видел ни одного. Я купил его, неоднократно перечитывал от корки до корки и был от него в совершенном восхищении. Слог показался мне бесподобным, и я решил, насколько возможно, ему подражать. С этой целью я взял некоторые очерки и кратко записал смысл каждой фразы, затем я отложил их на несколько дней, а потом попытался восстановить текст, не заглядывая в книгу и излагая смысл каждой фразы так же полно и подробно, как в оригинале, для чего я прибегал к таким выражениям, которые мне казались уместными. Затем я сравнил своего «Зрителя» с подлинником, обнаружил некоторые свои ошибки и исправил их. Но оказалось, что мне не хватало то ли запаса слов, то ли сноровки в их употреблении,

а это, как я полагал, я бы уже теперь приобрел, если бы продолжал писать стихи; ведь постоянные поиски слов одинакового значения, но различной длины, которые подошли бы под размер, или различного звучания для рифмы принудили бы меня непрерывно искать разнообразия, а кроме того, все эти разнообразные слова закрепились бы у меня в уме и я был бы над ними хозяином. Тогда я взял некоторые из напечатанных в «Зрителе» историй и переложил их в стихи; когда же я как следует забыл прозаический оригинал, то принялся переделывать их обратно в прозу.

Иногда я в беспорядке перетасовывал свои конспективные записи и через несколько недель пытался расположить их наилучшим образом, прежде чем составлять законченные фразы и дописывать очерки. Это должно было научить меня упорядоченному мышлению. Сравнивая затем свое сочинение с оригиналом, я находил множество ошибок и исправлял их; но иногда я льстил себя мыслью, что в некоторых незначительных деталях мне удалось улучшить изложение или язык, и это заставляло меня думать, что со временем я, пожалуй, стану неплохим писателем, к чему я всячески стремился. Я мог выделить для этих упражнений и для чтения время только ночью после работы или утром до работы, или по воскресеньям, когда я старался оставаться один в типографии, избегая, насколько возможно, посещать общественное богослужение, чего от меня неуклонно требовал отец, когда я находился на его попечении, — я и до сих пор счи-

тал это своей обязанностью, хотя и не мог, как мне казалось, позволить себе тратить на это время.

Когда мне было лет шестнадцать, мне попалась книга некоего Трайона, рекомендовавшего вегетарианскую пищу. Я решил стать вегетарианцем. Мой брат, будучи еще неженатым, не вел у себя хозяйства, а столовался вместе со своими подмастерьями в другой семье. Мой отказ есть мясо вызвал неудобство, и меня часто корили за эту странность. По книжке Трайона я научился готовить некоторые рекомендуемые им кушанья, как вареный картофель, рис, пудинг на скорую руку и некоторые другие; и тогда я предложил брату, что если он будет выдавать мне половину тех денег, которые платит за мой стол, то я буду столоваться сам. Он сразу же согласился, и я обнаружил, что могу сэкономить половину того, что он мне выдавал. Это создало мне дополнительный фонд для покупки книг. Но, кроме того, я получил и еще одно преимущество. Мой брат и все другие уходили на обед из типографии, и я оставался там один; быстро перекусив (мой легкий завтрак часто состоял из сухаря или куска хлеба, горсточка изюма или пирожка из кондитерской и стакана воды), я мог располагать остальным временем до их возвращения как хотел; за этот промежуток я успевал многое сделать, ведь голова у меня была ясная и я быстро все схватывал благодаря умеренности в еде и питье. Случилось так, что мне несколько раз пришлось краснеть из-за неумения считать, — в школе я дважды проваливался по арифметике; тогда я взял кокке-

ровский учебник арифметики и самостоятельно одолел его без малейшего труда. Кроме того, я прочел книгу Селлера и Стэрми по навигации и ознакомился с содержащимися там начатками геометрии, но в этой науке я недалеко ушел. Примерно в это же время я прочел сочинение Локка «О человеческом разуме» и «Искусство мышления», написанное господами из Пор-Рояля.

Мне очень хотелось улучшить свою речь, и мне попалась английская грамматика (кажется, Гринвуда), в конце которой было два небольших очерка об искусстве риторики и логики, причем последний заканчивался рассуждением о сократическом методе. А вскоре я достал «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта, где приводятся многочисленные примеры использования этого метода. Я был им совершенно очарован и стал применять его; я уже больше не прибегал ни к отрицанию, ни к позитивной аргументации, а усвоил дозу смиренного вопрошателя. Кроме того, так как я, начитавшись Шефтсбери и Коллинса, сделался скептиком, – а я и без того уже скептически относился ко многому в наших религиозных доктринах, – то я нашел этот метод самым безопасным для себя и очень стеснительным для тех, против кого я его применял; поэтому я извлекал из него большое наслаждение, непрерывно в нем практиковался и достиг большого искусства в умении добиваться даже от весьма умных людей таких допущений, последствий которых они предвидеть не могли; при этом они попадали в затруднительное положение,

выбраться из которого были не в состоянии; подобным образом мне удавалось одерживать такие победы, которых не заслуживал ни я, ни отстаиваемый мной тезис.

Я прибегал к этому методу в течение ряда лет, но постепенно отказался от него, сохранив лишь привычку высказывать свое мнение с величайшей скромностью, никогда не употребляя таких выражений, как «разумеется», «несомненно» и прочих в том же роде, придающих оттенок непогрешимости мнению, которое может быть оспорено; я предпочитал говорить: «Мне представляется или думается, что дело обстоит так-то», или «В силу таких-то причин я бы сказал, что...», «Если я не ошибаюсь, то...». Такая привычка, как я полагаю, сослужила мне хорошую службу, когда впоследствии мне не раз приходилось убеждать людей в своей правоте и получать их согласие на осуществление тех мер, которые я стремился провести. А поскольку главное во всякой беседе это поучать других или учиться самому, доставить удовольствие или убедить в чем-либо, то я бы хотел, чтобы умные люди, питающие хорошие намерения, не уменьшали силу воздействия своих доводов посредством безапелляционной, заносчивой манеры говорить; это почти неизменно вызывает отвращение в слушателях, настраивает их недоброжелательно и, одним словом, достигает совершенно обратных целей, чем те, для которых мы одарены речью. Ведь если вы стремитесь поучать других, то безапелляционная, догматическая манера выражать свои мнения может вызвать про-

тивоедействие и помешать внимательно вас выслушать, Если же вы хотите, чтобы другие уделили вам от своих знаний, то вам не следует заявлять о своей твердой приверженности к вашим нынешним взглядам; скромные и рассудительные люди, которые не любят споров, наверное предоставят вам и дальше пребывать в ваших заблуждениях. Если вы усвоите такую манеру, то трудно ожидать, что вы произведете приятное впечатление на своих слушателей или убедите тех, поддержкой которых вы хотите заручиться. Поп справедливо замечает:

Людей надо учить так, как если бы вы их не учили, и незнакомые вещи преподносить как забытые.

Он также советует нам:

Говорить хотя и уверенно, но с напускной скромностью. И он мог бы присоединить эту строку к той, которая у него соединена с другой, на мой взгляд, менее подходящей:

Недостаток скромности есть недостаток ума.

Если вы спросите; почему другая строка меньше подходит, то я повторю цитату:

Нескромные слова ничем нельзя извинить, так как недостаток скромности есть недостаток ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.